

П.А. с благодарностью

ОТ АВТОРА

Только ленивый критик и еще более ленивый простой читатель не объявили в последние годы смерть беллетристики и торжество документалистики-публицистики. Для этих жанров, обходящихся без фантазии, придумано общее название — non-fiction, постепенно перешедшее на всю прежде называвшуюся серьезной литературу.

Однако полностью истребить в сочинителях фантазию оказалось невозможно. На то они и сочинители. Только отвернулся, например, мой внутренний литературный надзиратель, как я — раз! — и сочинил рассказ. Не успел приткнуть это художественное произведение в какой-никакой приличный — то есть вовсе денег не дающий — журнал, как еще одно такое же, в смысле художественное, образовалось. А журналы не резиновые, да и сколько же можно без денег-то?

Вот тут и пришла мне в голову мысль и быстро освоилась в ней, как дома. Я давно заметил: если нужно что-нибудь оправдать, хоть вредную привычку, хоть даже одноразовый дурной поступок, — подходящая мысль является немедленно.

Что и позволяет нам жить — и прожить всю жизнь.

В данном случае мысль состоит вот в чем: проза неделима. Нет никаких разумных причин для апартеида заметок и эссе, для романских привилегий, для каторжной доли рассказа... А если набраться смелости, то и внутри всей литературы, включая поэзию и вплоть до александрийского стиха и прочей аристократии, следует объявить полное эгалите, как уже давно объявлены либерте и, блин, фратерните! Все литературные жанры равны, а те, которые равнее, равны тоже. И всем предоставляется жилплощадь в сборниках, альманахах, ежемесячниках и в отдельных томах для наиболее заслуженных романов.

Оправдываемый этой мыслью, я поселил все свои рассказы и эссе, появившиеся в последние три-четыре года и до сих пор неприкаянные, под одну обложку, в литературную коммуналку. Вы ко мне? Заходите...

повесть

ГРУППА КРОВИ

проект текста с правкой

Красновато-черная лужа не могла впитаться в искусственный мрамор и еще не успела свернуться, так и стояла выпуклой каплей. Это должно произвести впечатление даже на привычных ко всему фотографов из прикормленных, подумал он. Вид крови действует почти на всех, в головы не приходит самое простое — умело подкрашенная вода. Или еще натуральной — томатный сок...

Накатило обычное чувство освобождения. Во всяком случае, все сделано профессионально. Пусть на таком уровне подготовит презентацию кто-нибудь из новых. Они и сами чувствуют разницу, сами придумали обращение «профессор».

Уходить не хотелось, уйдешь — и исчезнет это прекрасное чувство свободы, законченной работы. Но пора было возвращаться в жизнь, и радость освобождения сменилась раздражением против всего и всех...

Таким образом обозначен и главный герой — рефлектирующий старый мастер, и настроение — настроение человека, вполне еще живого, которого современная жизнь выталкивает из жизни... Кое-где почистить по стилю.

Контора, черт бы ее взял, перебралась на другое место.

При этом телефоны сохранились прежние, а сообщить новый адрес идиотка-ресепшионистка — двухметровая дура, с трудом умещающая ноги за стойкой рецепции, не потрудилась. Так что сначала он приехал в привычный окраинный, почти загородный переулок, большую часть которого занимал некогда шикарный доходный дом, превращенный в отвратительное вместилище офисов. Ремонтники сломали осыпавшиеся деревянные плиты на огромных бывших кухнях, разделили затхлые гостиные и заплесневелые будуары стеклянными перегородками, в ржавые лестничные клетки втиснули нестандартные узкие лифты... Контора занимала весь четвертый этаж, перед входом на который сидел дополнительный охранник.

Сюда он и приехал, как приезжал двадцать три года не реже раза в месяц, — и был остановлен уже первым, основным охранником в вестибюле. Увидев пропуск, секьюрити (так было написано на рукаве сторожа, именно кириллицей) молча сунул ему под нос бумажку с новым адресом конторы.

Ехать надо было через весь город и едва ли не через половину области. Метро с двумя пересадками, автобус по расписанию раз в сорок минут и метров восемьсот по разъезженной липкой грязи — к протыкающему небо карандашу зеленого стекла, вокруг которого гигантской горстью были рассыпаны леденцы автомобилей.

С новой ресепшии ответила прежняя долговязая идиотка. Одно профессиональное правило она почти усвоила — распознавать по голосам наиболее почтенных абонентов и помнить имена-отчества их, а также важных визитеров. В остальном полагалась на раздутый уколами до непристойного вида рот и обороты речи, переводные с делового английского...

— «Росстрах», слушаю вас, меня зовут Алёна, здравствуйте, чем могу помочь... А, Игорь Матвеевич, это вы! Вам кохо надо?

Англосаксонский офисный стиль девушка выдерживала не дольше двух фраз и переходила на неискоренимый южнорусский.

— А Ниночка Филипповна в отъезде, обещала быть послеобед, так же пробки чистый ужас, а вы хотите приехать? А вы вже приехали? А вы доховаривались? Так я сейчас пропуск в охрану зашлю, и поднимайтесь с вахты, кофа попьете пока, а можно, если срочно, по мобильному Ниночку Филипповну, только она может в метро ехать, потомушо пробки... А вам же неудобно было ехать в таку даль...

Поднимаясь в прозрачном лифте на шестнадцатый этаж, он думал, что привыкшие к таким лифтам относительно новые поколения, вероятно, вообще лишены страха высоты. И вообще, вероятно, любого страха. И название «Росстрах», вероятно, вообще не связывают ни с каким страхом, а исключительно с медицинской страховкой, которая входит (или не входит) в соцпакет и позволяет бесплатно (или за деньги) лечить, например, случайный гепатит С.

Да, и малограмотного произношения не стесняются, и все местные незаметно перенимают его у приезжих — акцент успеха...

Боже, подумал он кротко, как все они надоели.

Кофе из машины, похожей на дизайнерский самогонный аппарат, был хорош первыми двумя глотками и отвратителен, как только немного остыл. Идиотка Алёна, не извинившись, ушла в женский сортир — две двери с понятными картинками лезли в глаза, из женской уборной доносились громкие, с хамскими скандальными интонациями голоса.

Он поставил на край секретаршиного стола чашку и едва поймал ее, соскользнувшую. В очередной раз проклял повсеместную борьбу с курением, лишившую людей одного из последних удовольствий; но курить на воздух не пошел, представив себе езду в лифте и толпу у входа, вокруг мерзкой урны. Вместо этого пристроился звонить по казенному телефону — на этом не сэкономишь, но из принципа. В конце концов, «Росстрах» ему должен, пусть и платит.

В тот момент, когда он почти снял трубку, аппарат сам дернулся, словно под ним подпрыгнул стол, и зашелся звоном, как корабельная тревога. Он автоматически продолжил движение руки, взял трубку и произнес «алле!». На той стороне женский голос, видимо, тоже по инерции, неуверенно выговорил: «Алёна?..» и смолк.

Голос он, естественно, узнал сразу, но, чтобы выиграть время — это полезно в любом разговоре, — начал кривляться, как теперь говорят, включил веселого.

— Ну, дожил! Меня, мужчину в расцвете лет и сил, принимают за головоногую блондинку!.. Кто звонит? Или все же звонит...

— Это ты, — тихим вскриком перебила его натужную иронию женщина на той стороне, — Игорь, это ты?! Это я, Дарья... Ты что там делаешь?

— Секретаршу подменяю, — с разбегу, не меняя шутивого тона, ответил он. — Но пропуск тебе выписать не могу, пока не доверяют. Сейчас пойду в женский туалет, найду там Алёну...

Он продолжал нести чушь, чувствуя обычное, ничем не объяснимое волнение от разговора с женщиной, с любой женщиной, а уж с этой... Волнение это быстро стихало, ничем не кончившись, как мгновенный ливень в середине лета. Но несколько минут оно длилось...

Служебный роман между героем и героиней тянется четыре года и не развивается ни в какую сторону, ощущение невозможности сделать шаг...

— Дашка, — сказал он тихо и повторил еще тише, — Дашка...

Обычные офисные страсти и интриги, усугубляющиеся уже ощутимым возрастом героя и дамы. В сущности, теперешние офисные писари есть прямые наследники позднесоветской интеллигенции, несмотря на два свободных языка и ловко сидящий деловой костюм.

Оставив у Алёны две записки, каждый свою, для Нины — было похоже, что Нина в контору сегодня не вернется, — они

обиделись и решили ее не ждать, обиду продемонстрировать. В конце концов, не мальчик и девочка, а ветераны конторы... Поспешили уйти, чтобы не встретиться с невежливой дамочкой ни в коем случае, помчалась к лифту, в котором стали так, чтобы лица нельзя было разглядеть сквозь стеклянные стены.

Месяца три назад он уже попытался порвать, просто позвонив Даше на служебный телефон, так что она не могла пространно и внятно отвечать. В этом был его — ну, пусть подсознательный — расчет. Все кончилось, сказал он тогда, запас исчерпан. И добавил претенциозную пошлость: колодец пуст, ведро скребет по дну. Ты уверен, только и смогла спросить она. Зачем он тогда это сказал? Уже невозможно вспомнить, месяцы прошли в тумане...

Теперь он положил трубку, не то чтобы обрадовавшись, а придя почему-то в изумление. Это ж надо!.. Я так рад, что встретил тебя, повторял он, так рад!.. Ты не можешь представить, как я рад... Могу, наконец ответила она, могу, я сама очень рада.

В сетевой молодежной забегаловке орала музыка, половина стульев была занята сброшенными куртками, на столах кофейные кружки и салатные миски теснились среди ноутбуков. В соседней кофейне было то же самое...

Сейчас везде так, время, как их... ну, комплексных обедов, бизнес-ланчей, бормотал он, растерянно переминаясь с ноги на ногу в тесноте. Может, здесь где-нибудь есть нормальный ресторан? Давай по-человечески пообедаем, мы же не дети, чтобы глотать их синтетический как бы кофе... Давай, легко согласилась она, я завтракала рано.

И в давние времена очередь делала его совершенно беспомощным, а новая жизнь приучила к мгновенному исполнению любого мелкого желания, крупных же давно не было. Теперь он перестал смущаться, говоря с официантом, и, оплатив счет, спокойно сидел, сколько хотел...

Нормальный — по крайней мере, между столами в нем не валялись роликовые доски — ресторан, конечно, оказался тут же, в пяти шагах. Швейцар, он же гардеробщик, сделал вид, что не заметил на их обуви ошметков грязи, свидетельствующих о том, что солидная вроде бы пара передвигается без машины.

Странно: они почти не разговаривали о серьезных вещах, только обменивались светскими глупостями по поводу сменяющихся блюд. За едой о еде, как французы, констатировал он — и заговорили о поездках и гостиницах.

С гостиниц плавно съехали на описание дач — по какому шоссе, можно ли жить зимой и так далее. Вероятно, обстановка диктовала и темы, и стиль беседы, раньше от свидания не оставалось времени на ресторан...

Непонятно почему, в разговоре возникла отчетливо различимая интонация хвастовства наперебой.

Они постоянно сталкивались в конторе — на бегу в коридоре, упирающемся в бухгалтерию, бухгалтерским дамам постоянно требовались новые справки и заявления; в группе, поскольку Нина по рассеянности назначала две встречи на одно время; на рождественских корпоративах, на первом из которых Даша подошла, поздравила его с полученной только что русстраховской внутренней наградой, «Серебряным Страхом». К действительно серебряному значку — лицо, закрытое ладонями, — прилагались порядочные деньги. Обычно же, случайно встретившись, удивлялся — представить себе, что несколько дней или даже часов тому назад составляли одно целое, было невозможно.

Он побаивается оперных страстей, которые ему чудятся в каждом свидании.

...Теперь он почему-то ничего не боялся. Заказал слишком большой обед, много выпил, но почти ничего не ел, вдруг — в разгаре беседы, неожиданно для себя, и она нисколько не удивилась — назначил следующую встречу... Казалось, что, договорившись о следующем свидании, можно было бы и разехаться по другим делам, но не хотелось, очевидно, обоим. И решили все же вернуться в контору, вдруг Нина пришла, нужно использовать шанс, чтобы не приезжать снова.

И точно — Нина уже была на месте. Дылда даже не посмотрела в их сторону, дважды выписав пропуска, она, видимо, исчерпала лимит доброжелательности. Даша сразу пошла в кабинет начальницы, а он, едва не расплескав химический кофе, провалился в гостевое глубокое кресло, из которого гости выбирались с трудом, так что картина получалась довольно унижительная в буквальном смысле.

Время от времени ему казалось, что все поправимо — по нелепому, но запоминающемуся названию некогда популярного романа. Все его главные профессиональные успехи уложились в последние три-четыре года. Теперь он как бы писал черновик текущей жизни, как бы играл жизнь Игоря Матвеевича С. А настоящая жизнь еще впереди, она настанет и будет долго тянуться...

Прежде и Даша была частью его бесконечной игры в жизнь, в последнее время она стала частью неизменного реального фона. Так относятся к близким родственникам, с которыми видятся редко.

И он назначает ей свидание, неожиданно для самого себя. Отсутствие логики в поступках придает им естественность.

Она вышла из кабинета совершенно, как ему сначала показалось, спокойная, но потом он рассмотрел багровые пятна на ее скулах.

— Иди, я тебя здесь подожду. — Он выбрался из кресла, а она, уже провалившись в освободившиеся кожаные подушки, почти беззвучно закончила: — мне вообще предстоит долго ждать, у них полсотни замечаний, и они продлили договор.

— То есть денег тебе не дадут еще три месяца?.. — он сразу все понял.

— Не в деньгах дело, — пробормотала она, откинувшись в кресле и закрыла глаза.

— Пожалуй, я не пойду к этой... к ней... сегодня, — по крайней мере во второй раз за последние полчаса он произнес слова, которым сам удивился. — Пойдем, я провожу тебя.

В такси сел с нею рядом на заднее сиденье и сразу положил руку на круглое полное колено, от которого даже сквозь джинсы шел жар.

— Давай поедем... — начал он и запнулся, не решаясь сказать прямо то, что хотел. — Поедем в гостиницу, там будет удобно...

— Ты всегда туда ходишь со своими дамами? — ответила вопросом она, и в вопросе было приглашение к конфликту. — Мне кажется, что нам это уже не совсем по возрасту...

Дальше, до самого подъезда к маленькой гостинице, в машине стояла совершенная тишина.

В номере было тепло, чисто, полотенца, лежавшие стопкой на краю ванны, оказались не просто чистые, а совершенно новые, в шкафу обнаружили разовые белые шлепанцы — словом, все выглядело так, будто за окном какой-нибудь Мюнхен. Не знаю, как мы выберемся из этой истории, успел подумать он, узел затягивается.

Вечером, лежа без сна, он глядел во тьму своей комнаты. Накопилось много всего, от воспоминаний можно двинуться умом.

Например, война.

Снова возникает страх с мистической окраской.

Ему казалось необходимым поехать на войну. Без войны проект не складывался, а в пересказе ее все равно что и не было. Война в пересказе не страшная, а это его первый проект, и он хотел добиться настоящего страха. Всякий страх «для избранных, для подготовленных» — шарлатанство, беспомощность с важным лицом, многозначительная бездарность. Настоящий страх — страх для всех, тот, который возникает не в голове, а в животе. Массовый страх. Страх на войне. Чтобы вызвать такой страх, надо испытать его самому. Если самому не страшно, не испугаешь никого. Искренность важнее мастерства... И так далее.

Он почувствовал такой страх, когда сквозь грохот двигателей услышал гулкие удары по дну вертолета и увидел ровные круглые дыры, возникающие в металлическом полу рядом с его новенькими, купленными перед командировкой и уже сплошь покрытыми засохшей грязью берцами. Это и есть животный страх, подумал он.

Страшно было на войне все время. От первого услышанного и увиденного — со стороны, со стороны! — залпа «Града» он на некоторое время потерял сознание. И не от собственно страха, а оттого, что такого не могло быть, но оно было, и в среднем одна установка убивала одним залпом человек пятьдесят врагов или столько же своих по ошибке. Не ошибается, как известно, тот, кто ничего не делает. А военные на войне все время что-нибудь делают и, соответственно, ошибаются почти все время. Кто меньше делает, тот меньше ошибается, он и победит.

Естественно, война — любая — сильно отвлекает человека, уже готового рехнуться на почве отношений с женщиной.

Он и отвлекся.

Адюльтер как адюльтер, с робкой постельной сценой, вставленной просто потому, что так полагается. Правильно, начинать надо сдержанно, нейтрально, а потом текст взорвать.

...И отвлекался, совершенно искренне не думая о смерти, изображая жизнь не свою, а Игоря С., играя роль даже в абсолютном одиночестве. Открывал утром глаза — и начиналась игра, будто, ткнув в кнопку ночника, он включал рампу. Прекрасная, ясная шла чужая жизнь. Пока, прожив этой жизнью четыре года, он сегодня утром не снял трубку казенного телефона, и все прервавшееся в телефоне в телефоне же и восстановилось. Он уже снова думал

о смерти и не помнил о пожизненно приставленном зеркале притворства, не косился в него с самого утра...

А в гостинице стало ясно, что его силы кончились, ушли в паузу, и с этим ничего не поделаешь. У него долго и оскорбительно не получалось, и она стала смотреть в сторону, чтобы не встретиться глазами. Потом, когда отрицательный результат его стараний сделался очевиден, легли просто рядом, глядя в потолок, и принялись рассказывать, эпизод за эпизодом, на что поиздержалась жизнь. Снова возникло ощущение хвастовства, хотя ведь ничего не скажешь — эпизоды бывали один оглушительнее другого. Однажды все происходило в альпийской гостинице, и под окнами бренчали огромными колоколами пятнистые коровы. Есть, повторила и она, что вспомнить. И добавила: «Только лучше не вспоминать». А сама снова принялась вспоминать.

— Ты тогда позвонил, сказал какую-то пошлость про колодец и ведро...

Он дернулся — пошлость действительно была нестерпимая, он постарался и забыл ее, а Дашка, оказывается, помнила все время.

— Вот после этого ведра меня и понесло, — она резко оборвала себя.

И он успел перехватить едва не вырвавшееся «меня тоже». Все время их на похвальбу поворачивало, но тут ему хвастаться не следовало, проклятое ведро еще скребло по дну колодца, и она слышала этот звук.

Замолчали оба, остыли и, почти не попрощавшись, не говоря уж о том, что без поцелуев, разъехались. В воздухе пронеслось раздражение, подростковое хвастовство сделалось обидой.

Она, не оглядываясь, пошла в метро.

Он постоял, пока шар мелких каштановых завитков, плывя над эскалатором, не скрылся в сияющей бездне, и пошел ловить такси — ноги подгибались, тяжелый был день...

Вдруг подумал о ней, как о родном, именно родном человеке — бедная, как же она устала за этот день, контора, высокомерие Нинки-начальницы, и разговоры в ресторане, и продолжение в гостинице, напряжение без разрядки... А теперь еще ехать черт его знает куда, метро с пересадками, троллейбус, идти от остановки... Вот дурак, со спокойным презрением мысленно обругал он себя, почему не настоял сначала отвезти в такси ее, а уж потом ехать к себе, через кольцо... Сэкономил.

Дома он совсем потерялся — ходил из угла в угол, хватался безо всякой причины за телефон, потом сообразил, что уже довольно поздно и ей, вероятно, неловко звонить. Наконец не выдержал, набрал сам и, услышав ее голос, успокоился, молча отключился.

Теперь можно было передохнуть и заняться неотложным делом, утром навалится обычная суэта, толком ничего не сделаешь. Сел на кухне ужинать, налил полстакана и, быстро выпив и поев, не замечая вкуса, торопясь, чтобы не растерять драйв, принялся за письмо Нинке. Не то письмо, не то служебная записка, не то меморандум.

Больше они в гостиницу не ездят, стесняются друг друга... Остается телефон.

Теперь он писал, пропуская буквы и не попадая по клавишам, торопясь сформулировать, пока не ушла решимость. Написать было необходимо, но все в нем протестовало — так в кабинете врача понимаешь неизбежность болезненной процедуры и ее отчаянный результат, но психика сопротивляется.

Тут возникает некий уже мельком упомянутый служебный документ, рапорт (надо его воспроизвести как бы по памяти):

«...изменить главный персонаж. Краткие характеристики нового главного персонажа прилагаются. В связи с изменением главного персонажа очевидно следует выбрать другой его прообраз. Пружина проекта — отношения главного персонажа с близким человеком, конфликт мировоззрений на фоне конфликта общественных интересов и, как следствие, доведение ситуации до крайности.

Необходимая переработка проекта может быть сделана в рамках первоначально определенных сроков, увеличенных на 15—20%, это увеличение неизбежно в любом случае.

Предлагаю Заказчику, именуемому “Росстрах”, в недельный срок предложить переработанный соответствующим образом договор для подписания Исполнителю, именуемому С. Игорь Матвеевич...»

Он налил еще полстакана, с сожалением отметил, что и в посланной небом бутылке осталось меньше половины. Проклятая работа, думал он, допивая, да разве другие лучше... Дашку, конечно, жалко и себя жалко, но что ж жалеть, если предстоит неизбежное.

А как она будет жить после этого? Жизнь после смерти. Хорошо, если контора выполнит свои обещания. Вторая

жизнь. Без веры.

Без веры, вот в чем дело. Вторая жизнь без веры — это Ад.

За последние пару месяцев все действительное расплылось, стало фоном, жизнь перетекла в бесконечные телефонные разговоры. А людей, реально существовавших вокруг, они вспоминали как персонажей, марионеток на ниточках слов.

Вполне бессловесными и как бы глухими свидетелями безумной суеты, как всегда, были муж и жена. Бессловесные и бесправные.

Позволяя себе невообразимую откровенность, рассказывали друг другу такое, что он и себе самому не разрешал описывать в ясных словах.

Да, повторяли время от времени то она, то он, как говорят беспутные бабы из простых, есть что вспомнить.

При этом любовные похождения — самое малое из их воспоминаний. Куда важней была работа, вернее, их отношение к работе. В сущности, все его рассказы о том, чем он занимался в минувшие до нее годы, были попытками доказать недоказуемое: средства важнее цели, а форма — содержания, эстетика первостепенна, этика вторична. Вся его работа доказывала только одно — «что и как» важнее, чем «зачем и почему». Во всяком случае, так ему казалось. Точнее — он говорил, что ему так кажется.

— Когда мы проживем долго и счастливо и умрем в один день, — он переложил телефон из затекшей левой руки в правую, — на нашей общей могиле поставят памятник, мраморный мобильник...

— Ты забыл, что мы не будем жить вместе и потому не умрем вместе, и не похоронят нас рядом, — со сдерживаемым раздражением перебила она, — а общий памятник поставят всем нам, тем, кто работает по заказам конторы, памятник мраморным слухам и гранитному страху. Ты всегда все забываешь... Мраморные слухи и гранитный страх.

Так разговор постепенно сползал на одинаково интересное обоим — на работу. Ей не нравился его подход к выбору персонажей, ему — ее бесконечное дублирование одних и тех же приемов. Они начинали спорить и даже ссориться по телефону, потом по телефону же мирились...

Висит вечный вопрос: можно ли и нужно ли решать всякий раз, хороших или дурных целей достигает работа, или важно лишь, хорошо либо дурно она сделана.

Время от времени она пыталась закончить разговор — мол, как-нибудь решим эту философскую проблему в мирное

время... Но сама же возвращалась к этой теме, и остановить ее было невозможно. Даже рассказы о его экзотических связях, которых за пятнадцать лет было не так много, как у нее, но и не мало, рассказы, от которых сначала она сходила с ума и требовала повторений, — увлекали ее все меньше. В конце концов, эти приключения ничто по сравнению с работой, сказала она однажды. Впрочем, потом она много раз утверждала противоположное...

Вдруг контора объявила общее собрание, вернее, это для всех было вдруг, а он ждал чего-нибудь подобного в любой день. В тексте должно звенеть напряжение, в воздухе текста.

Позвонила дура Алёна, долго и невнятно бормотала и уже, очевидно, собралась повесить трубку, — творческих успехов, Игорь Матвеевич, и крепкого здоровья, — но он успел спросить, в котором часу сбор. Назначено было странно, не днем и не вечером, в пять «послеобед», уточнила на своем наречии девица...

В ожидании содержательной части коллеги слонялись по залу с кофейными чашками в руках, проталкивались к столу с бутербродами и пирожками. В толпе мелькнули золотисто-каштановые кудри, но с поразившим самого себя безразличием он дал им затеряться. По ходу, у нас чисто телефонный роман, помимо голоса в плоской коробочке она не существует ни в каком воплощении, подумал он. Чисто по телефону, подумал он и мысленно сплюнул, как сплевывал мысленно всякий раз, когда спотыкался о такие слова все более чужого языка. Ни разу не свой язык, подумал он самым ненавидимым нынешним оборотом, и его едва не вырвало. Ишь, какой нежный, подумал он, лучше бы вспомнил о главном персонаже. Срок приближается... Для того, конечно, и собрали, чтобы все отчитались за главных, думал он, пробираясь к свободному стулу. Поднимут — и пожалуйста. Объясните, Игорь Матвеевич, чем вызвана ваша служебная записка с просьбой заменить очередного главного. Только без имен и персональных данных, помещение не режимное...

Начальство уже рассаживалось в президиуме, за маленькой трибуной стала Нинка, разложила листочки речи. Значит, так и есть, бенефис нашей группы, подумал он. Плохо дело, обязательно доберутся.

— Дамы и господа, друзья, — торжественно начала Нинка, точнее, применительно к такому ее обращению, Нина Филипповна М., начальник группы преодолимых

осложнений, — прежде всего я должна вам напомнить, в чем состоит смысл и цель нашей деятельности. Вероятно, многих удивит и даже обидит такое напоминание. Действительно, люди по двадцать лет, а то и по четверти века трудятся в нашей компании, создавали ее с нуля, вырабатывали критерии и методики, задавали стандарты качества, участвовали во всех значительных событиях, в которых были призваны участвовать, а им, как стажерам, рассказывают об азах профессии. Однако у руководства компании — конторы, как мы ее называем, — в последнее время сложилось мнение, что в нашей работе утрачено главное: ее сверхзадача. Мы даем обществу все меньше того, что должны давать, той важнейшей составляющей общественного климата, социальной атмосферы, без которой хаос беспрепятственно овладеет нашей жизнью. Мы забыли цель нашей деятельности, даже больше того — нашего существования, а ведь эта цель определена самим названием — «Русстрах»! В этом сочетании двух важнейших понятий и слов...

Нинка перевернула последнюю страницу, отпила несколько глотков из стоявшего на трибуне стакана, громко вздохнула и продолжила без бумаги:

— О каком страхе может идти речь, если некоторые из нас начинают относиться к главным персонажам проектов, как к реальным личностям, начинают испытывать к ним симпатию, привязанность и тому подобное, вплоть до так называемой любви!

На минуту Игорь отключился и прослушал фразу или две.

...определить другого главного персонажа, мотивируя это свое предложение личными причинами! Таким образом, он откровенно признает, что собственные эмоции ставит на одну доску с интересами компании и общества в целом, если не выше... И это касается всех нас, а результат не заставляет себя ждать. Спросите любого прохожего, полностью ли владеет им страх окончательной утраты национальной идентичности, традиционных ценностей, государственного величия? Или наоборот — гражданских свобод, самостояния личности, гуманитарных достижений?..

Расходясь, почти не разговаривали. Стулья скребли по полу, этот звук подчеркивал общее молчание.

Мурашки ползут по спине. Чего можно было ожидать? В любой конторе все становится известно всем в течение одного дня.

Видимо, нам включили прослушку, думал он, и мысли торопились, толкались, обрывались. Ладно, ничего

существенного по сравнению с его служебной запиской они все равно не узнали. А в обычных семейных конфликтах служащих контора всегда была на стороне своих, помогала — иногда даже оплачивала адвоката, если развод делался особо сложным. Так что телефонный адюльтер вряд ли кончится реальным скандалом... Да, служебная записка уж точно гораздо круче всего, что он наговорил ей по телефону. Прямой призыв пренебречь не чем-нибудь, а страхом! Что могло быть круче? Ну разве что столь же прямое выступление против всепроникающего коллективизма, употребление полузапрещенного оскорбительного прозвища существующего строя — «колхоз». Но ничего похожего они не произносили.

Вдруг его потянуло к ней так, что он почувствовал физическое давление — будто сильный ветер толкнул в спину.

Он начал суетливо пробираться к дверям, надеясь перехватить ее на выходе, но не успел — ждал до последнего уходящего, ее не было. Может, прозевал...

На окружающем стекляшку пустыре грязь подсохла, но вид все равно был омерзительный. У высокого, в десяток ступеней крыльца, облицованного скользким искусственным мрамором, топталась компания, пятеро коллег — не сказать, что его приятели, но давние знакомые. Решили пойти где-нибудь выпить за встречу, посидеть за необязательным разговором. Когда-то виделись каждый день, а в последнее время редко и с каждым годом реже — общение становится все обременительней. Мир меняется с ускорением, будто катится, разгоняясь, с горы, а внизу, у подножия, темнеет овраг, заросший пыльной зеленью и серым сухостоем.

Пошли, как и следовало ожидать, в тот ресторан, где два месяца назад... да, кажется, всего два месяца назад... сидели с нею. Как все изменилось за эти два месяца, подумал он, телефонный роман вытеснил из жизни все остальное. Ну, почти все — работа оставалась физиологической зависимостью... Да и практической необходимостью, чего уж делать вид.

...Говорили, конечно, о том, как их деятельность влияет на кошмар, в который погружается прямо на глазах весь мир. Страх неудержимо окутывает всё, страх становится всем, и всё становится страхом. Пытались вспомнить хотя бы что-нибудь, что не порождает страх и не порождается страхом, — не вспомнили. Постепенно разговор становился все менее

осмысленным, топтался на месте, запутывался — повторяя выпивку порциями, порядочно набрались.

Как разъехались, из памяти выпало. Утром скрутило все сразу — под ребрами ворочался узловатый кулак, дышать было тяжело, голова уплывала, отделившись от прочих частей организма, и фоном всего была чудовищная изжога, хотя пили в заведении вроде бы приличном и напитки вроде бы не поддельные.

Всякий раз немного поколебавшись, он звонит ей каждый день по крайней мере дважды. И не замечает, что становится совершенно другим, другим человеком, и думает по-другому, и чувствует. Чем-то надо передать и необратимость, и непоправимость этих изменений. Передает ли их текст?

Она говорила холодно и малословно. Если хотел после собрания повидаться, что ж не предупредил? А, вы пошли выпивать... Кто же да кто?.. Ну, в такой компании я все равно не пошла бы...

Разговор увял, скоро вообще прервался и, конечно, улучшению настроения не способствовал. Он вспомнил о своей злополучной докладной, вчера анонимно прогремевшей, и обязательный для серьезного профессионала навык вытеснения реальной трагедии в игровую не сработал. Тянуло снова позвонить, но удержался. Мы все мертвы, напомнил он себе, а после смерти трагедии невозможны. У Бога нет мертвых, возразил он сам себе и сам себя одернул — сколько раз зарекался сослаться на Писание.

...И еще через три месяца жизнь становится совсем другой, окончательно.

Совершенно нелогичное, но предсказуемое отступление в сторону одежды. Это всегда хорошо получается.

До его сообщения оставалось еще часа полтора, следом за испанцем, у которого была любопытнейшая тема — механизмы внедрения образов и понятий в общественное сознание. Но суть испанского доклада он уловил из аннотации в буклете конгресса, отказываться от прогулки ради подробностей не имело никакого смысла — по проблеме он знал больше любого испанца, хотя бы и доктора философии. Тем более, что их PhD еле тянул на нашего кандидата.

Прямо из подъезда гостиницы свернул наугад за угол и вышел на какую-то небольшую площадь, вдоль дальнего края которой подпирали небо неровно обломанные поверху колонны. Между колоннами был виден будто тоже

обломанный поверху храм без кровли, сложенный из огромных камней, а вокруг храма лежали ленивые, не интересующиеся людьми разноцветные кошки. На той же стороне площади имелась, конечно, лавка, торгующая кормами для животных, к которой он и отправился, с некоторым усилием разобрал и поняв вывеску. Купил удобный небольшой пакет хорошей кошачьей еды, высыпал весь в специальную, метра в два диаметром каменную плошку у стены храма и, продолжая путь по периметру площади против часовой стрелки, пошел обратно в гостиницу, как раз к кофе-брейку...

Но тут же и остановился, приклеившись к витрине по левую сторону храма.

В витрине висели — на простых плечиках, не на манекенах — твидовые пиджаки, сделанные словно по его заказу, точно такие, которые были ему не по деньгам в Лондоне, Бостоне, Милане. На обычных гвоздиках, как в коммунальной прихожей, висели твидовые же кепки английского фасона. В плетеной корзине, вроде тех, в которые складывали в годы его детства грязное белье, лежали грудой рубашки, голубые в мелкую белую крапинку. Как говорили когда-то в его молодости, то, что доктор прописал. И на спинке зачем-то всунутого в витрину стула висели самые желанные — шерстяные галстуки...

Он, конечно, входит и сразу понимает, что это не совсем магазин, а наполовину магазин и наполовину швейная мастерская.

Вся одежда была недошита и нуждалась в подгонке. Однако никто мерку не снимал, просто старый итальянец или, возможно, местный еврей, с идеальным седым пробором и в классической портновской жилетке, оглядел его с головы до ног, обойдя вокруг, и записал что-то на маленьком бумажном квадратике. Тут он сообразил, что вечером улетает, и кое-как объяснил это портному. Во сколько вы едете во Фьюмичино, спросил итальянец, в аэропорт? Портновский английский был вполне соответствующим британскому стилю его шитья. В восемь вечера? Приходите в семь, все будет готово.

И все было готово и сложено в большой мешок из толстой глянцевої бумаги с адресом портняжной мастерской и фамилией портного, и он носит все это — рубашки, и пиджак, и вельветовые штаны — по сей день, все вытерлось, но цело, а вельветовые брюки с твидовым

пиджаком за это время стали с его подачи униформой преуспевающих мужчин в культурной среде...

Расплатиться тогда хватило как раз гонорара, полученного за перевод на словацкий его знаменитого в среде специалистов «Испуга и страха». Словак безо всяких формальностей сунул ему в руку узкий конверт — оказалось, очень кстати.

Прекрасные там были кошки, вспоминает он. Такой перебивкой, контрапунктом к одежде. Хотя какой тут контраст?

...Ночью после собрания, на котором Нинка, Нина Филипповна, так внятно, хотя и не назвав фамилии, предупредила, что ни под каким видом избежать завершения текущего проекта ему не удастся, у него прихватило сердце, вызвал скорую. Приехали два здоровенных парня, похожие больше на бандитов, чем на врачей, одетые как для подледной рыбной ловли. Записали кардиограмму, долго советовались с кем-то по телефону, госпитализировать его или нет, потом сделали укол и оставили дома. После их отъезда заснул ненадолго, а потом просто лежал до утра и пытался представить, как будет жить, завершив проект.

И вдруг понял, что жить будет точно так же. Ну вот не звонит — и что? Не умер же он. А она вроде бы умерла, хотя знаешь, что не умерла. А хоть бы и умер, хоть бы и умерла... Кажется, китайцы придумали — то, что совершится в будущем, уже совершилось. Ее уже нет. Надо плакать, колотиться головой о стену сегодня, не дожидаясь, когда в вестибюле выставят портрет с косой черной лентой и красные гвоздики в банке. А если сейчас ты не рыдаешь, только в груди что-то дергается через неравные промежутки, то и потом не должно наступить отчаяние. Все уже умерли.

Так постепенно проступает некий смысл этого сочинения. Какое-то учреждение, «контора», производит в рамках «проектов» нематериальную сущность, называемую «страх». События и явления вбрасываются в общественное сознание и повергают человечество в парализующий испуг. Герой в безвыходном положении: реализация его проекта убьет — создаст видимость убийства — его любовницу, отказ от реализации убьет — как бы убьет — его самого.

И вообще, работу надо доделать, это уж обязательно, тут никакой философии, сказал он себе. Почему? А по кочану. Потому что это работа. Да, всем страшно. Все боятся всего.

Страх.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.